

БЕСТСЕЛЛЕР THE NEW YORK TIMES И AMAZON

ДЕББИ ХАРРИ

СЕРДЦЕ ИЗ СТЕКЛА

18+

ОТКРОВЕНИЯ СОЛИСТКИ
BLONDIE

Дебби Харри
Сердце из стекла.
Откровения солистки Blondie
Серия «МИФ Культура»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61791588

*Дебби Харри. Сердце из стекла : откровения солистки Blondie: Манн,
Иванов и Фербер; Москва; 2020*

ISBN 978-5-00169-097-9

Аннотация

Перед вами автобиография Дебби Харри, основательницы и бессменной солистки культовой группы Blondie. В ней Дебби впервые откровенно расскажет о тернистом пути к вершинам чартов, блеске и грязи славы, о моментах как высочайшего триумфа, так и глубочайшего отчаяния. Книга оформлена прежде не публиковавшимися фотографиями, фан-артом и уникальными рисунками. Текст и визуальный ряд погружают в порой пугающую, но неизменно притягательную вселенную Дебби и создают по-настоящему полный и объемный портрет не только самого автора, но и целой музыкальной эпохи. *На русском языке публикуется впервые.*

Содержание

Вступление	10
1. Дитя любви	16
2. Pretty baby, you look so heavenly[2]	32
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Дебби Харри
Сердце из стекла.
Откровения
солистки Blondie

Original title: Face it

Издано с разрешения HarperCollins Publishers и Andrew Nurnberg Associates International Ltd.

c/o Andrew Nurnberg Literary Agency

В сотрудничестве с Сильвией Симмонс и на основе недавних эксклюзивных интервью

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© 2019 by Deborah Harry

Published by arrangement with Dey Street Books, an imprint of HarperCollins Publishers.

© Перевод на русский язык, издание на русском языке. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2020

ПОСВЯЩАЕТСЯ ДЕВУШКАМ АНДЕГРАУНДА

Вступление

От Криса Стейна

Не знаю, рассказывал ли я эту историю Дебби... или вообще кому-нибудь. В 1969 году я путешествовал и дважды исколесил всю страну вдоль и поперек, а потом поселился у матери в Бруклине. Год для меня был беспокойный. Психоделики и запоздалая реакция на смерть отца расшатали мою и без того надломленную психику.

На пике «обострения» мне приснился сон, который я до сих пор не могу забыть. Квартира матери была на Оушен-авеню – длиннющем городском проспекте. Во сне, в моменте, напомнившем мне фильм «Выпускник», я пытался догнать автобус, а тот медленно отъезжал от нашего большого старого здания. Я и бежал за автобусом – и одновременно был внутри него. Кроме меня, в салоне находилась девушка, блондинка. «Встретимся в городе», – сказала мне она. Автобус уехал, и я остался на улице один.

К 1977 году я и Дебби всю гастролировали с Blondie. Самой экзотической остановкой на маршруте точно был Бангкок. В то время город еще не зажали в тиски металл и бетон и выглядел он довольно пасторально: парки на каждом

углу и даже грунтовые дороги неподалеку от нашего люксового отеля. Всюду пахло жасмином и гнилью.

Дебби быстро усвоила модель поведения типичной туристки. Как-то раз она осталась на ночь в отеле, а мы с парнями из группы пошли в гости к одному британскому мигранту, с которым познакомились в каком-то баре. Его пожилая служанка-тайка приготовила для нас банановый пирог, начинив его пятьюдесятью тайскими палочками – в семидесятые это был аналог современной сильнодействующей травки. Мы только что вернулись из долгого тура по Австралии, где наркотики в те времена были под жестким запретом. Так что в гостях мы оторвались и до гостиницы добрались кое-как, опираясь друг на друга.

Комната у нас была тоже экзотическая – с декором из ротанга и двумя отдельными кроватями, похожими на раскладушки, с жесткими цилиндрическими подушками в изголовье. Дебби беспокойно спала, и я наконец тоже погрузился в туманную мглу. Где-то ближе к утру мое расслабленное сонное сознание прояснилось и затеяло диалог. «Где мы?» – спросил этот внутренний голос, и Дебби, все еще дремавшая, громко ответила: «Мы же в постели, разве нет?» Я так и сел на своей койке, сон как рукой сняло.

Сказал ли я это вслух и получил от нее ответ, хотя мы оба были в полусне? По сей день, все эти годы, я уверен, что задал вопрос исключительно в мыслях.

А вторая история еще более неуволвимая, странная, и го-

ворить о ней еще труднее. Употребление наркотиков было просто частью молодежной музыкальной культуры, к которой мы принадлежали. В этом не было ничего необычного. Во всех клубах, почти без исключения, *все* напивались либо принимали наркотики. Я потратил кучу времени и сил на то, чтобы излечиться от зависимости. Так что как знать, возможно, я принимаю за движение психики наркотический бред. Вероятно, здесь та же история, что и с религией: ты веришь в то, во что хочешь верить. Ясно только, что сознание может простираться за пределы человека, его физического тела.

Так или иначе, мы с Дебби здорово «разогнались» на одной крайне пафосной вечеринке. Незначительные события и мысли казались предельно отчетливыми. Помню винтовую лестницу и вычурные люстры. Какой-то парень показывал нам свои часы «Сальвадор Дали» от Cartier – это мимолетное впечатление навсегда врезалось в память. Занятная вещица: стандартный для Cartier циферблат в форме слезы, но изогнутый – как «тающие» часы на картине «Постоянство памяти». Стекло разбилось, и владелец жаловался, что на замену придется потратить тысячи долларов. Хотя, по-моему, такая трещина была идеальным дадаистским комментарием к источнику. Мне очень понравилось.

На вечеринке – по какому бы поводу ее ни устроили – было оченьлюдно. Помню, как стоял на балконе, когда к нам подошел мужчина в возрасте в крайне забавном костюме. Он

говорил с легким акцентом, возможно креольским. Представился он как Тигр. Уже этого хватало, чтобы его запомнить, но мы с Дебби еще и ощутили странную связь с ним. Мы как будто знали его целую вечность – словно встречались в прошлых жизнях. Верю ли я во все это? Пожалуй. Не помню, сколько раз мы с Дебби обсуждали эту встречу потом, но в любом случае достаточно, чтобы сравнить воспоминания и обнаружить сходство наших ощущений.

Вскоре, году в 1975-м, Дебби нашла эту женщину – Этель Майерс, которая была ясновидящей, экстрасенсом. Скорее всего, нам кто-то о ней рассказал, хотя не исключаю, что мы просто вышли на нее через рекламу в Village Voice или Soho News. Этель принимала в восхитительной квартире – первый этаж дома на маленькой улочке в спальном районе, сразу за театром «Бикон». Интерьер был великолепен. Он, наверное, не менялся с начала века, когда построили здание. Приемная походила на теплицу, обставленную мебелью. Повсюду виднелись декоративные растения и травы. Пожелтевшие книги о таро и эманациях лежали на пыльных журнальных столиках. Это помещение видало виды и напомнило мне квартиру из фильма «Ребенок Розмари» – в тот момент, когда ее впервые показывают героям Мии Фэрроу и Джона Кассаветиса.

Мы втроем сели, и Этель сама предложила нам включить кассетник – мы взяли его с собой, чтобы записать сеанс. Она ничего о нас не знала, но начала с эффектного вступления. Она сказала Дебби, что видит ее на сцене, что Дебби осу-

ществит свои замыслы и будет много путешествовать. В какой-то момент Этель сообщила, что кто-то – вероятно, мой отец, – наблюдает за нами и что он ехидно сказал обо мне: «Я бы к нему и на пушечный выстрел не приближался». Во многом чувство юмора я унаследовал от отца, а присказка про пушечный выстрел действительно была у него в ходу. Было ли дело в том, что экстрасенс знала словечки из пятидесятых, которыми сыпал мой старик, или это было нечто большее?

Та кассета по-прежнему где-то у Дебби. Помню, как мы слушали запись через много лет, – и голос Этель был таким тихим, выцветшим со временем, словно сама она превратилась в призрака.

Только что я позвонил Дебби и спросил, помнит ли она хоть что-нибудь из того, о чем я поведал. Она сказала: «Знаешь, Крис, в те времена мы жили по-другому, кислоты в воздухе было куда больше».

Между нами до сих пор существует какая-то связь.

КРИС СТЕЙН

Нью-Йорк, июнь 2018 года

1. Дитя любви

Полагаю, они познакомились году в 1930-м, в старшей школе. Влюбленные подростки. Она – девочка из среднего класса, ирландско-шотландского происхождения, он – деревенский мальчик, француз, живший где-то между Нептуном и Лейквудом в штате Нью-Джерси. Она была из семьи музыкантов. Дни напролет они с сестрами играли. Сестры пели, а она аккомпанировала на расстроенном старом пианино. Он также был из семьи творческой и музыкальной. Однако его мать лежала в психиатрической клинике – из-за депрессии или какого-то другого рецидивирующего нервного расстройства. Незримое, но существенное влияние. По-моему, звучит фальшиво, но именно так мне сказали в агентстве по усыновлению.

Ее мать упирала на то, что он ее дочери не пара. Она расстроила их отношения, и любви пришел конец. Чтобы пресечь дальнейшие контакты, ее загнали в музыкальную школу, и, судя по всему, после этого она стала колесить по концертным залам Европы и Северной Америки.

Проходит много лет. Теперь он женат, у него куча детей. Работает он в топливной компании, чинит масляные горелки. Однажды едет на вызов, и – та-дам! – там она. Стоит, облокотившись на дверной косяк, волосы закрывают лицо, смотрит на него тем самым взглядом. У нее сломался обогреватель. Та еще картина, не правда ли? Но я уверена, что они обрадовались встрече.

Возможно, все эти годы они продолжали любить друг друга. Так что наверняка это было чудесное воссоединение. Она беременеет. Он в итоге рассказывает ей, что женат и у него есть дети. Она, в растрепанных чувствах, с разбитым сердцем, разрывает отношения, но ребенка решает оставить. Носит его девять месяцев, и в воскресенье, 1 июля 1945 года, в роддоме округа Майами-Дейд маленькая Анджела Тримбл прокладывает себе путь в этот мир.

Вместе с ребенком она вернулась в Нью-Джерси, где ее мать умирала от рака груди. Она ухаживала за обеими. Но мать убедила ее отказаться от Анджелы. И – она это сделала. Отказалась от своей Анджелы. Через шесть месяцев ее мать умерла, а дочь попала в бездетную семью, тоже из Нью-Джерси. Ричард и Кэти Харри из города Патерсона встретились после окончания школы. Новые родители Анджелы, также известные как Кэгги и Дик, дали ей другое имя – Дебора.

Вот и вся история. Я дитя любви.

Говорят, что обычно люди не запоминают первые годы жизни, но у меня таких воспоминаний море. Первое из них датируется моим третьим месяцем. Это день, когда мама и папа забрали меня из агентства по усыновлению. Чтобы это отметить, они решили устроить небольшую вылазку на детский курорт, где был контактный зоопарк. Помню, как меня носили на руках; гигантские создания глядели на меня сверху вниз из загона – я ясно это вижу. Однажды я поделилась

этим впечатлением с мамой, и она изумилась: «Боже мой, это было в тот день, когда мы тебя забрали, ты не можешь этого помнить». Там были только утки, гуси и козел, сказала она, – ну, может, еще пони. Но в три месяца мне не с кем было их сравнить. Зато я уже пожила с двумя разными мамами, в двух разных домах, под двумя разными именами. Сейчас я думаю, что тогда, вероятно, испытывала панику. Мир был небезопасен – приходилось смотреть в оба.

Первые пять лет моей жизни мы провели в маленьком доме на Седар-авеню в Хоторне, Нью-Джерси, рядом с парком Гофл-Брук, который растянулся на весь городишко. Когда власти расчистили под него землю, рядом поставили временки для строителей-мигрантов – представьте себе маленькие тесные квартирки без всякого отопления, если не считать печки-буржуйки. Мы занимали дом прораба на краю большой лесной зоны – он к тому времени уже отапливался.

В те годы детей старались чем-то занять. Но мне говорили: «Иди на улицу и поиграй», и я шла. Товарищей по играм у меня было не то чтобы много, так что порой я играла в своем воображении. Я была таким ребенком-мечтателем. Но при этом и пацанкой. Во дворе на большом клене папа повесил качели и турник – и я представляла себя в цирке. А еще я возилась с палочками, копала ими ямки, ворошила муравейник, делала из них что-то – ну, или каталась на роликах.

Оак-плейс

Больше всего на свете мне нравилось бродить по парку. Для меня это был самый настоящий волшебный, заколдованный лес. Родители всегда мне наказывали: «Не ходи в парк, ты не знаешь, кто тебе встретится и что может случиться», как обычно и говорят в сказках. А волшебные истории – все

невероятные, вызывающие трепет сказки братьев Гримм – были важной частью моего взросления.

Стоит признать, что по кустам действительно слонялись всякие подозрительные личности – скорее всего, мигранты. Самые настоящие бродяги, которые катались на поездах и околачивались в парке. Наверное, им давали там какую-то работу – подстричь газон или что-то в этом роде, после чего они снова прыгали в вагон и ехали дальше. Еще там попадались лисы и еноты, иногда змеи и был небольшой ручей с лягушками и жабами.

Вдоль ручья, где никто не ходил, стояли разрушенные покинутые лачуги. Я часто лазала по этим шатким, старым, заросшим мхом и плесенью грудам старого кирпича, торчавшим из земли. Я могла сидеть там вечность и мечтать. Все это были страшноватые детские переживания, что наверняка случались и у вас. Устроившись под кустом, я представляла, как сбегу из дома с настоящим индейцем и буду есть ягоды сумаха. Папа часто грозил мне пальцем и говорил: «Никогда не трогай сумах, он ядовитый». И вот я буду жевать этот невероятно горький сумах и с надрывом думать: «Скоро я умру!» Здорово, что у меня были эти жуткие детские фантазии – насыщенная жизнь в мечтах. Благодаря им – а также телевизору и сексуальным маньякам – развилось мое творческое мышление.

У меня была собака по имени Пэл. Какой-то терьер, судя по всему; коричневато-рыжий, на редкость лохматый, с

жесткой шерстью, висячими ушами, усами, бородой и отвратительнейшим телом. Хозяином пса был отец, но Пэл вел себя крайне независимо. Самый настоящий дикий пес, которого не кастрировали. Тот еще кобель. Он убежал из дому и приползал обратно после недельного загула, совершенно вымотанный амурными приключениями.

Парк наводняли полчища крыс. Город становился все менее сельским и более населенным, так что грызуны совершали набеги на дворы и рылись в мусорных кучах. Поэтому местные власти начали раскидывать в парке отраву. Провинциальный менталитет как он есть – в то время они травили всех и все, что только можно. В общем, Пэл эту отраву съел. Ему было так плохо, что папе пришлось его усыпить. Просто ужасно.

Однако на самом деле для ребенка место было чудесное: настоящий маленький американский городок. По счастью, тогда еще не появились торговые центры. В нашем распоряжении была только небольшая главная улочка и кинотеатр, где воскресный утренний сеанс стоил четверть доллара. Все дети туда ходили. Я тоже любила кино. А еще кругом были фермерские хозяйства: на холмах пасли скот, на полях и в садах выращивали овощи и фрукты, свежие и дешевые. Позже фермеров вытеснили разросшиеся новостройки.

Для города это была стадия «трансформации», но я была слишком мала, чтобы знать это слово, понимать его смысл или вообще интересоваться подобными вещами. Мы жили в

спальном районе, потому что папа работал не в Хоторне – он ездил в Нью-Йорк. Не так уж далеко, но, боже, тогда казалось, что даль невероятная. Волшебная. Еще один зачарованный лес – кишачий людьми и с высокими зданиями вместо деревьев. Все такое другое.

Папа ездил туда работать, а я – развлекаться. Раз в год бабушка по маминой линии брала меня в Нью-Йорк, чтобы купить мне зимнее пальто в Best & Co. – знаменитом консервативном универмаге. После этого мы отправлялись в Schrafft's на углу Пятьдесят третьей улицы и Пятой авеню. Этот обставленный в старомодном стиле ресторан напоминал английский клуб, где изящно одетые пожилые леди чинно сидели и потягивали чай из фарфоровых чашек. Очень пристойно – и вдали от городской суеты.

На Рождество мы всей семьей выбирались полюбоваться елкой в Рокфеллеровском центре. Смотрели на людей на катке, глазели на витрины магазинов. Мы были не утонченными горожанами, что ходят на бродвейские спектакли, а жителями пригорода. Если мы и смотрели шоу, то в мюзик-холле Radio City, ну и пару раз были на балете. Возможно, после этого я задумала стать балериной – правда, эта мечта надолго не задержалась. А вот волнение и восхищение после спектакля и само ощущение сцены – остались. Хотя я любила кино, моя реакция на живые выступления была именно физической, очень чувственной. Точно так же я реагирую на Нью-Йорк, на его запахи, виды и звуки.

В детстве мне еще очень нравилось ездить в Патерсон, где жили обе мои бабушки. Папа любил пробираться задворками, по извилистым узким трущобным улочкам. В то время, до благоустройства, Патерсон по большей части был старым и заброшенным, его наводняли рабочие, приехавшие поступить на фабрику или шелкоткацкий завод. Патерсон прозвали Шелковым городом. Река Пассаик, с ее водопадами, вращала турбины, а те запускали ткацкие станки. Все детство эти водопады стояли у меня перед глазами – спасибо местной газете The Morning Call. На первой странице, в самом верху, был рисунок тушью, изображавший бурлящую реку.

По Ривер-стрит папа всегда ехал очень медленно – уж очень она была оживленная. Мы видели цыган, живших в подвалах магазинов, и чернокожих, которые приезжали с юга. Они носили одежду кричащих цветов и повязывали на головы банданы. Для маленькой девочки из исключительно белого пригорода, где жили люди среднего достатка и пониже, это было восхитительное зрелище. Потрясающее. Я высовывалась из окна, ошалев от любопытства, а мама меня одергивала: «Вернись в машину! Тебе сейчас голову оторвет!» Она бы предпочла не ездить по Ривер-стрит, но папа был из тех, кому нравится, что у них есть собственный тайный путь. У меня был классный отец!

Для меня загадка, почему в моей семье так мало было известно о папиных родственниках. Никто о них не говорил: чем занимаются, как оказались в Патерсоне. Помню, что,

став постарше, я пыталась выведать у отца, чем дедушка зарабатывал на жизнь. Папа ответил, что он то ли шил, то ли чинил обувь в Морристауне. Полагаю, что все в семье, включая папу, считали подобное ремесло слишком ничтожным, чтобы открыто о нем упоминать. По-моему, это довольно печально. Но папа тут же добавил, что зато дедушке повезло не потерять работу во времена Великой депрессии: он продавал ботинки на главной улице Патерсона. У них были деньги в то время, когда столько людей еле перебивались.

Мамина семья находилась в Шелковом городе в куда более привилегированном положении. У ее отца было место на фондовой бирже до того, как она обвалилась, и он владел банком в Риджвуде. Так что в определенный период жизни они стали довольно зажиточными. Когда мама была ребенком, они отправились в Европу и посетили все столицы во время большого тура, по их собственному выражению. Мама, ее сестры и братья получили высшее образование.

Бабушка была настоящей викторианской леди, элегантной, с претензией на роль светской дамы. Из всех ее детей моя мама самая младшая. Бабушка родила ее довольно поздно, что стало в кругу знакомых поводом выгнуть бровь и поперешептываться. Когда я с ней познакомилась, бабушка была уже старенькой. Длинные седые волосы доходили ей до талии. Каждый день Тилли, ее горничная-голландка, зашнуровывала на ней высокий розовый корсет. Тилли мне нравилась. Она работала на бабушку с тех самых пор, как перееха-

ла в Америку: сначала была няней моей мамы, потом – бабушкиной уборщицей и поварихой, а еще следила за садом. Она жила в доме на Кэрол-стрит, в чудной маленькой мансарде, окна которой смотрели прямо в небо. Через коридор, в чердачной кладовке, хранились пыльные сундуки, полные всяких интересных штук. Я проводила счастливые часы, роюсь в них и перебирая изношенные сорочки, пожелтевшие газеты, порванные фотографии, пыльные книги, странные ложки, ветхое кружево, высушенные цветы, пустые бутылочки из-под духов и старых кукол с фарфоровыми головами. Мои грезы обычно прерывал взволнованный крик снизу. Я тихо закрывала дверь и выскользывала с чердака. До следующего раза.

После окончания старшей школы мой отец начал работать в Wright Aeronautical – во время Второй мировой войны там производили авиатехнику. Потом он перешел в текстильную компанию Alkan Silk Woven Labels – ее завод размещался в Патерсоне. Когда я была маленькой девочкой, он иногда брал меня с собой на работу. Не раз я ходила на экскурсию по заводу, но никогда не слышала слов гида из-за яростного гула станков.

Станки и правда впечатляли. Размером они были с наш дом, и на них висели тысячи и тысячи цветных нитей, в то время как челноки внизу с жужжанием ездили вперед-назад. Когда все нити сливались, то появлялись и разворачивались ярд за ярдом ленты фирменного шелка. Мой отец отво-

зил их в Нью-Йорк и, как его отец до него, играл маленькую роль на дальнем рубеже мира моды.

Что до меня, я любила моду сколько себя помню. В моем детстве денег у нас было мало, и в основном я носила подержанные вещи. В дождливые дни, когда нельзя было погулять, я открывала мамин большой деревянный сундук. Он был забит одеждой, которую маме отдали друзья, и той, которую она не носила. Я одевалась и расхаживала по дому в туфлях, сорочках и всем прочем, до чего добирались мои липкие маленькие ручонки.

Телевизор – о, телевизор. Светящийся, словно призрак, семидюймовый экран, круглый, как аквариум. Помещавшийся в массивном коробе, на фоне которого собачья будка выглядела бы недоростком. Сводящий с ума электронный шум. Гнутая антенна для приема сигнала. То хорошие дни, то пустые – когда сигнал трепыхался, пропадал, а изображение рябило и скакало.

Не то чтобы по этому телевизору много чего можно было увидеть, но я смотрела. В пять утра в субботу я уже сидела на полу, не отрывая глаз от испытательной таблицы, замороженная, в ожидании мультиков. Потом шла борьба, ее я смотрела тоже, стуча по полу и тяжело вздыхая; мое беспокойство все возрастало во время созерцания этой библейской битвы добра и зла. Мама ругалась и грозилась выбросить этот чертов ящик, если я его не выключу. Но разве смысл этого черного ящика не в том, чтобы он работал?

Я была преданной почитательницей волшебной коробки. Я даже любила нажимать на кнопку выключения и смотреть, как картинка уменьшается до маленькой белой точки, а потом исчезает.

Когда начинался сезон бейсбола, мама выпинывала меня из дома. Забавно, что мама была лютой фанаткой этой игры, – я не шучу, говоря «лютой». Она восхищалась командой «Бруклин доджерс». Когда я была совсем маленькой, родители часто ходили на большой стадион в Бруклине и смотрели игры. Поэтому я всегда искренне расстраивалась, когда меня выгоняли на улицу во время трансляции матча. Подозреваю, что я просто была очень надоедливой, к тому же слишком громкой.

Еще мама любила оперу: ее она слушала по радио, когда по телевизору не шел бейсбол. Что касается музыки, мы не могли похвастаться большой коллекцией: несколько юмористических альбомов и Бинг Кросби, поющий рождественские гимны. Моим любимым был сборник «Мне нравится джаз!» с Билли Холидей, Фэтсом Уоллером и всякими другими исполнителями. Когда Джуди Гарленд начинала петь Swanee, я каждый раз рыдала в голос...

У меня тоже было радио, миленький коричневый приемничек Emerson, который нужно было включать в розетку, с лампочкой наверху, смешным старым круглым регулятором и цифрами золотистого цвета в стиле ар-деко вокруг него. Я

прилипала ухом к крошечному динамику, слушая крунеров¹, певцов из биг-бендов и вообще всю музыку, которая тогда была в моде. Время блюза, джаза, рока еще не пришло...

Летними вечерами прямо за парком выстраивался и репетировал военный оркестр. Эти мужчины, настоящие кабальеры, собирались после работы. Они только начинали карьеру и не могли позволить себе форму, так что носили списанные широкие морские брюки клеш, белые рубашки и шляпы с широкими полями и короткой тульей в испанском стиле. Играть они умели только одну песню – «Валенсия». Весь вечер они маршировали туда-сюда и порой пританцовывали, а из-за деревьев доносилась музыка. Моя комната с маленькими слуховыми окнами была прямо под крышей, так что я распахивала рамы, садилась на пол и слушала. Мама часто говорила: «Еще раз услышу эту песню – заору!» Но лично мне все это нравилось – духовые, барабаны и громкий звук.

Пока я не пошла в школу, развлечений у меня, в общем-то, не было, поэтому оставалось столько времени на грезы. Я даже помню, что переживала в детстве мистические состояния. Я слышала, как голос из камина говорил со мной и пересказывал какие-то математические выкладки, но понятия не имела, что они означали. Фантазии у меня были

¹ Вокалисты, отличавшиеся особой вкрадчивой, как бы нашептывающей манерой исполнения (от англ. to croon – напевать вполголоса, мурлыкать). К крунерам часто относят, например, Фрэнка Синатру. *Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика и редактора.*

самые разные. Я представляла, что меня схватили, связали, а потом меня спас... нет, я не хотела, чтобы меня спасал герой, – я хотела, чтобы меня связали и плохой парень влюбился в меня до безумия.

И я представляла, как стану звездой. Однажды в полдень я сидела на залитой солнечным светом кухне вместе с моей тетей Хелен, которая потягивала кофе. Теплый свет играл в моих волосах. Тетя поднесла чашку к губам и окинула меня оценивающим взглядом. «Милая, ты выглядишь как настоящая кинозвезда!» Я была в восторге. Кинозвезда! О да!

Когда мне было четыре года, мама и папа пришли ко мне в комнату и рассказали сказку на ночь. О семье, которая выбрала себе ребенка – точно так же, сказали папа и мама, как они выбрали меня.

Иногда я ловлю в зеркале свое отражение и думаю, что у меня точно такое же выражение лица, как у мамы или папы. Пусть внешне мы были совсем не похожи и генетика у нас абсолютно разная. Полагаю, близость и общий опыт, растянутый во времени, которого у меня никогда не было с моими родителями по крови, наложили свой отпечаток.

Я не знаю, как выглядели мои биологические родители. Через много лет, уже взрослой, я пыталась отыскать их следы. Кое-что удалось выяснить, но мы никогда не встречались.

История моего удочерения, которую поведали родители, звучала так, словно я была особенной. Но, думаю, то, что

в возрасте трех месяцев я была разлучена с биологической матерью и оказалась в новом доме, на самом деле посеяло во мне безотчетный страх.

К счастью, мне удалось избежать многих неприятностей и бед – мне очень, очень повезло в жизни. Наверное, это была такая химическая реакция, которую теперь я могу проанализировать и понять с рационалистической позиции. Все вокруг хотели, чтобы мне было лучше, и всё для этого делали. Но не думаю, что когда-нибудь я чувствовала себя по-настоящему уютно. Все было иначе: я все время пыталась вписаться в окружающую обстановку.

И было время, когда я постоянно, постоянно боялась.

2. **Pretty baby, you look so heavenly**²

² Малышка, ты выглядишь так восхитительно (*англ.*). Строка из песни Blondie «Pretty Baby».

Однажды на приеме, когда я была еще ребенком, врач

пристально на меня посмотрел. Потом повернулся, взмахнув полами белого халата, улыбнулся моим родителям и сказал: «Вы за ней приглядывайте, у малышки томный взгляд».

Мамины друзья постоянно убеждали ее отправить мои фото Gerber, компании по производству детского питания, потому что меня, с моим томным взглядом, точно захотят снять для рекламы. Мама наотрез отказалась, она не хотела подвергать свою девочку такому давлению. Думаю, она хотела меня защитить. Однако, даже будучи маленькой девочкой, я становилась объектом сексуального интереса.

Перенесемся в 1978 год, к выходу фильма «Прелестное дитя»³ Луи Маля. Посмотрев его, я написала *Pretty Baby* для альбома *Parallel lines*. Звездой фильма стала двенадцатилетняя Брук Шилдс, сыгравшая ребенка, который живет в притоне. Фильм изобиловал эротическими сценами. В свое время он породил бурю протестов по поводу детской порнографии. В тот год я познакомилась с Брук. С одиннадцати месяцев она находилась под прицелом камер – тогда мать устроила ее в рекламу косметического бренда *Ivory Soap*. В десять лет, с разрешения мамы, она позировала в ванной обнаженной для журнала *Playboy*.

Однажды, когда мне было лет восемь, мне поручили присмотреть за Нэнси, девочкой лет четырех-пяти, с которой в тот день сидела моя мама по просьбе ее подруги Люсиль. Я должна была отвести Нэнси в городской бассейн, который

³ В оригинале фильм тоже называется *Pretty Baby*.

находился совсем рядом с нашим домом, а моя мама собиралась присоединиться к нам на месте. Я повела Нэнси по оживленной улице, окаймлявшей окраину города, на всякий случай держа ее за ручку. День был по-настоящему жаркий, и мы кожей чувствовали, как беспощадные лучи солнца отражаются от асфальта. Мы завернули за угол и пошли мимо припаркованной у тротуара машины, пассажирское окно которой было полностью опущено. Изнутри раздался голос: «Эй, малютка, ты знаешь, как добраться туда-то и туда-то?» Старик, потрепанный с виду, волосы редкие и выцветшие – ничего необычного... На коленях у него лежала карта, а может, газета. Он так и сыпал вопросами, как ехать и куда идти, а его рука двигалась по кругу под газетой. Потом бумага съехала, и обнаружилось, что старикан мастурбировал. Я почувствовала себя мухой на краю паутины. Волна панического страха прошла по моему телу...

Сама не своя от ужаса, я бросилась к бассейну, таща за собой Нэнси, которая едва успевала перебирать крохотными ножками, пытаясь от меня не отстать. Я подбежала к своей учительнице, мисс Фахи, которая стояла у входа и проверяла у всех пропуска. Мне было очень плохо, но я просто не могла рассказать ей об этом уроде, показавшем мне свой пенис. Я выпалила: «Мисс Фахи, пожалуйста, присмотрите за Нэнси, мне нужно домой» – и кинулась назад. Мама вышла из себя. Она вызвала полицию. Патрульная машина, визжа, подъехала к нашему дому, мы уселись на заднее сиденье и стали кру-

жить по городу, надеясь выследить извращенца. Я была такой маленькой, что со своего места ничего не видела в окне. Я просто сидела, пока мы колесили и колесили по улицам. Я вытягивала шею как могла, чтобы разглядеть хоть что-то снаружи, а сердце оглушительно стучало.

Такое вот пробуждение. Первый извращенец на моем пути – хотя мама говорила, что были и другие. Однажды в зоопарке нас преследовал человек в плаще, который постоянно распахивал полы. Подобные случаи повторялись регулярно, так что со временем я к ним почти привыкла.

Насколько я помню, у меня всегда были мальчики. Впервые меня поцеловал Билли Харт. Ну что за прелесть: впервые в жизни тебя целует мальчик с такой фамилией⁴. Я была ошарашена, встревожена, рассержена, довольна, взволнована и восхищена. Наверное, в тот момент я этого не понимала и вряд ли смогла бы описать свои чувства словами, но, как бы то ни было, я смутилась и запуталась. Я побежала домой и рассказала маме, что произошло. Она загадочно улыбнулась и пояснила: это случилось потому, что ты ему нравишься. Ну, до этого случая Билли мне тоже нравился, но теперь я чувствовала себя при нем скованно. Мы были очень маленькие, лет по пять-шесть.

Потом появился Блэр. Блэр жил на той же улице, что и мы. Наши мамы дружили, так что иногда мы вместе игра-

⁴ Возможно, речь о созвучии фамилии мальчика Hart с английским словом heart («сердце»).

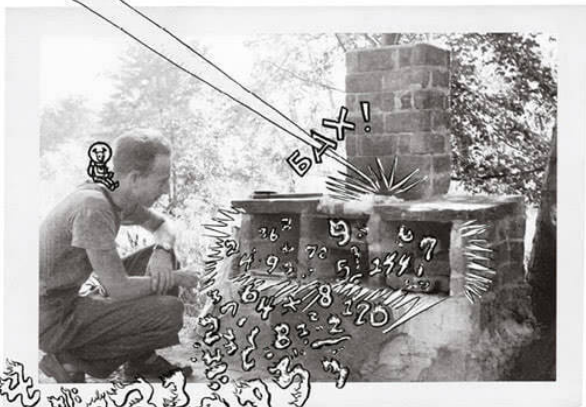
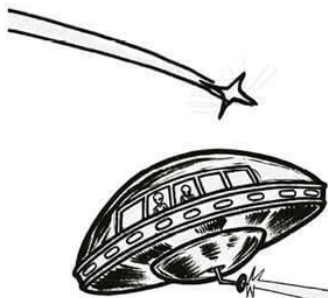
ли. В тот раз мы пошли ко мне в комнату и в итоге уселись на полу, скрестив ноги по-турецки, и принялись разглядывать «причиндалы» друг друга. Все это тоже было невинно. Мне было около семи, ему, может быть, восемь, и нам просто было любопытно. Я всегда была любопытной. В общем, мы с Блэром, должно быть, очень долго сидели тихо, потому что наши мамы зашли в комнату и нас застучали. Они, давние подруги, скорее растерялись, чем разозлились, но с тех пор нам с Блэром никогда не предлагали поиграть вместе.

Мои родители чтит традиционные семейные ценности. Они прожили в браке шестьдесят лет, прошли через все взлеты и падения, и в доме у них царил жесткая дисциплина. Каждое воскресенье мы ходили в епископальную церковь, и моя семья всегда участвовала в общественной религиозной жизни и мероприятиях. Возможно, поэтому я была в команде скаутов и уж определенно поэтому пела в церковном хоре. К счастью, петь мне очень нравилось, причем до такой степени, что в восемь лет я получила серебряный крестик за «идеальную посещаемость».

Думаю, что сомнения и вопросы по поводу религии начинают одолевать не раньше, чем в подростковом возрасте. Мне было, наверное, двенадцать, когда в церковь мы ходить перестали. Мой отец крупно поссорился с пастором или с кем-то еще из священников. В любом случае тогда я ходила в школу и мне уже не хватало свободного времени, чтобы по-прежнему петь в хоре.

Школу я ненавидела. Сама она тут была ни при чем. Это была обычная маленькая местная школа, по пятнадцать-двадцать детей в каждом классе. Да и учеба меня не беспокоила: алфавит я выучила еще до садика. Прежде всего, я почему-то ужасно боялась опоздать. Может быть, я слишком сильно хотела, чтобы меня похвалили. Однако еще хуже было ощущение покинутости, того, что родителей со мной не было. Я чувствовала себя брошенной. И это было больно. От тревоги я разваливалась на части. Ноги превращались в студень, и я с трудом поднималась по лестнице. Полагаю, что подсознательно я непрерывно проживала сценарий, в котором родители оставляют меня в незнакомом месте и потом никогда не возвращаются. По-настоящему это чувство так никуда и не ушло. Даже сейчас, когда в аэропорту группа разделяется и каждый едет своей дорогой, я ощущаю то же самое. Покинутость. Ненавижу расставаться с людьми и ненавижу прощаться.

Дома жизнь не стояла на месте. Когда мне было шесть с половиной, у меня появилась младшая сестренка. Марту не удочеряли: она появилась на свет после очень тяжелой беременности. За пять лет до того, как родители меня взяли, мама родила другую девочку, Каролину, – преждевременно, как я понимаю, и та умерла от пневмонии. Еще был мальчик – закончилось выкидышем. Потом появилось лекарство, которое маме помогло. Марта родилась раньше срока, но выжила. Папа говорил, что ее головка была меньше его ладони.

Вы, должно быть, подумали, что появление еще одной прелестной малышки в доме – тем более что мама родила ее сама – усугубило мой страх остаться брошенной и незащищенной. Ну, поначалу мне, наверное, было не очень приятно, что теперь внимание мамы не направлено исключительно на меня, но сестру я полюбила больше всего на свете. Я всегда защищала ее изо всех сил, потому что она была намного младше меня. Папа называл меня своей красавицей, а сестру – своей удачей, потому что, когда она родилась, фортуна повернулась к нему лицом.

Однажды утром я напугала родителей. Должно быть, был выходной, и они немного заспались. Марта проснулась и плакала – хотела есть. Так что я прокралась на кухню и подогрела бутылочку с молоком – я же столько раз видела, как это делает мама, – а потом поднялась наверх и дала ее сестре. Родители, увидев это, всполошились: они решили, что ребенок обожжется. Но Марта спокойно лежала и радостно причмокивала... Так у меня появилась новая обязанность, которая стала моим вкладом в насыщенную утреннюю жизнь в нашем доме в Хоторне.

В то время Хоторн был центром моей вселенной. Мы особо не выезжали. Я ничего не смыслила в финансах, что естественно для маленького ребенка, и не понимала, что у нас мало денег и что родители пытаются накопить на дом. Я знала только, что меня снедает непреодолимая жажда путеше-

ствий. Я всегда была крайне любопытной и беспокойной. Мне так нравилось, когда мы все садились в машину и ехали на пляж в отпуск, а это почти всегда означало, что мы навестим родственников.

Однажды – мне было лет одиннадцать-двенадцать – мы поехали на отдых на Кейп-Код⁵. Остановились в меблированных комнатах вместе с тетей Альмой и дядей Томом, папиным братом. Моя двоюродная сестра Джейн была на год старше, и мы много смеялись, шутили и играли вместе. Както раз мы сидели перед зеркалом и по обыкновению делали друг другу прически. Потом мы крикнули родителям, что идем гулять. Вот только отойдя на приличное расстояние, мы вытащили кучу украденных помад и теней и тщательно преобразили себя в, как нам казалось, горячих штучек. В тот момент мы, наверное, напоминали двух сексапильных дамочек из «Шоу ужасов Рокки Хоррора»⁶. В ларьке мы купили роллы с лобстерами, после чего пошли гулять, любуясь своими отражениями в витринах магазинов. Но не только мы восхищались своими новыми образами: к нам решили подкатить двое мужчин. Они были намного, намного старше нас. Как мы потом узнали, им было сильно за тридцать. Сделав вид, будто не замечают, что нам нет и четырнадцати, они пригласили нас погулять вечером и сказали, что заедут за

⁵ Полуостров и одноименный залив на северо-восточном побережье США.

⁶ Фильм Джима Шармена 1975 года, основанный на одноименном популярном британском мюзикле.

нами. Разумеется, мы не собирались называть им адрес, но подыграли и пообещали, что вернемся и встретимся с ними где-нибудь в другом месте.

Вечером, уже с отмытыми дочиста лицами, мы сидели в кровати в своих детских пижамах и играли в карты, когда в дверь постучали. Было около одиннадцати. Мы и не заметили, что те двое мужчин проследили за нами до дома и решили зайти. Думаю, к тому времени наши родители уже пропустили по несколько коктейлей и сочли все это чрезвычайно забавным. Так что они распахнули дверь, а в комнате были мы, дети. Вышло так, что мы не попали в слишком большие неприятности. А еще оказалось, что один из наших «ухажеров» – очень известный барабанщик, Бадди Рич. Позже я узнала: помимо того, что он был близким другом Синатры, в то время Бадди уже был женат на танцовщице Мари Аллисон. Они прожили в браке до самой его смерти в 1987 году, он умер от опухоли мозга в возрасте шестидесяти девяти лет. Вскоре после его визита в нашем почтовом ящике оказался большой конверт. Внутри были глянцевые черно-белые фотографии восемь на десять с автографом моего приятеля⁷, которого когда-то называли «величайшим барабанщиком, жившим на этой планете».

Сейчас, вновь оглядываясь на тот год, я понимаю, сколько всего произошло. Именно тогда я впервые вышла на сцену. Это был школьный спектакль «Свадьба Золушки». Роль

⁷ Игра слов: Buddy – имя и buddy – приятель (англ.).

Золушки мне не досталась, но я была солисткой и пела на ее с принцем свадьбе I Love You Truly – длинную балладу из фильма «Эта замечательная жизнь». Выйдя на сцену, я чуть не умерла от страха: все смотрят прямо на меня – дети, учителя, родители. Папа и мама с моей сестрой Мартой тоже были там. Но я взяла себя в руки. Так уж вышло, что я не прирожденная певица или сильная личность. То есть, думаю, внутренней силы мне на самом деле было не занимать, но внешне это не проявлялось, стеснялась я ужасно. Когда бы учителя ни подходили ко мне со словами «Ты так хорошо выступила!», мой горемычный мозг неслышно добавлял: «Да ладно? Вы с ума сошли, что ли?»

С балетом дела обстояли не намного лучше. Как и сотни других маленьких девочек, я мечтала стать балериной. Мама, с ее культурным детством, хотела, чтобы у меня тоже был подобный опыт, и постоянно рассказывала мне о знаменитых танцовщицах. Но на занятиях я всегда чувствовала себя очень скованно: я искренне считала себя слишком толстой, хотя это была абсолютная неправда. Просто у меня было сильное тело. И я не походила на нежную птичку, как другие девочки, которые выглядели такими милыми, совершенными и одинаковыми в своих маленьких пачках. У меня было ощущение, что я все проваливаю из-за того, что я такая пухлая и выделяюсь на их фоне.

И главное, что случилось в тот год: родители наконец-то купили небольшой дом, и мы переехали. Наш новый район

не сильно отличался от старого и находился не так уж далеко. Но это был другой школьный округ, а значит, мне предстояло сменить школу.

**ЕГО
КРАСАВИЦА**

**ЕГО
УДАЧА**

Непросто оказаться новенькой в шестом классе. Я никого там не знала, если не считать двух девочек, знакомых по скаутскому движению. Друзей у меня не было. Что еще страшнее, в школе Линкольна учились совсем по другой программе, более глубокой, чем в моей старой школе, так что мне приходилось много заниматься, чтобы не отставать от класса. Но я сказала себе, что и сквозь эту очень черную тучу пробивается луч света. Имя ему: больше никакого Роберта.

Роберт был новеньким в моей старой школе, и он очень отличался от всех: какой-то дикий, одетый в вещи, которые были ему велики. Они были очень неопрятными. Прическа тоже. Даже черты лица казались какими-то неопрятными. К тому же он страдал недержанием. При этом его сестра Джин обладала буквально идеальной внешностью: у нее были красивые вьющиеся волосы, она мило одевалась и хорошо училась, возможно даже лучше всех в классе. Роберт же получал такие ужасные оценки, что о них и говорить нечего. В классе он был изгоем. Как правило, его либо чурались, либо высмеивали.

Может быть, из-за того, что по сравнению с другими ребятами я была к нему не так жестока, Роберт на меня запал. Он начал провожать меня до дома. Иногда дарил мне маленькие подарки. Все это тянулось и тянулось. Когда мы переехали в новый дом и старая школа осталась позади, я думала, что на

этом его преследования закончатся. Как бы не так. Помню, мы всего несколько дней прожили на новом месте, я стояла у двери. Моя сестра Марта что-то спросила у меня про Роберта, и я выложила ей все, что думаю о его навязчивом внимании. Я не знала, что в это время снаружи Роберт прятался за деревом. Он все слышал. Я никогда не забуду выражение шока и боли на его лице, когда он вышел из укрытия и кинулся прочь. Я чувствовала себя мерзко. Больше мы не виделись, но, по слухам, он так и остался в классе бельмом на глазу, а потом сдружился с другим изгоем. Они стали ходить на охоту. Через несколько лет, когда они баловались с ружьями в подвале дома Роберта, его друг застрелил его. Все это подали как несчастный случай: просто дети играли с оружием.

...Летние дни были отданы прогулкам на солнце, мысли наконец могли течь свободно. Было так жарко и влажно – будто тебя заворачивали в горячий компресс. Я плавала, занималась тем, чем обычно занимаются летом, и много читала – все, до чего могли дотянуться мои маленькие загрёбушие ручонки. Литература была для меня великим побегом, путешествием в иные миры. Я жаждала узнать все и обо всем, что находилось за пределами Хоторна. Еще мы всей семьей ездили в гости к бабушке с дедушкой и к тетям с дядями. Обычное детство обычного ребенка. Сейчас оно помнится смазанно, за исключением этого тягучего, засевшего глубоко в животе страха при мысли о возвращении в школу.

Хоторн-Хай была моей третьей школой. Не могу сказать, что она вызывала у меня больше теплых чувств, чем прежде. Здесь я тоже нервничала, однако мне действительно нравилось ощущение свободы и независимости, которое появилось с переходом в средние классы, где с тобой обращались немного как со взрослым. Родители ясно дали мне понять, что ждут высоких результатов. И если бы они не подталкивали меня в этом направлении, думаю, я просто сбежала бы в страну грез. Я по-прежнему пыталась разобраться, кто я, но уже тогда знала, что мне место в творческой среде.

Моя мама любила посмеяться над актерами. Отработанным жестом она расслабляла кисть и манерно восклицала: «Ах, ты у меня такая актриса». От этого я только сильнее психовала и злилась, а что может быть хуже доведенного до белого каления подростка? Нет-нет, моя жизнь вовсе не была ужасной – она была благословенной. Родители не жалели для меня любви. Но меня не покидало ощущение раздвоения личности, будто вторая личность была потеряна, погребена где-то, не выражена, недостижима и скрыта.

В средней школе я вела себя примерно и училась пусть не на отлично, но в целом хорошо. Вообще мне нравились занятия, где нам задавали читать книги, а еще легко давалась геометрия – похожая на пазл, который нужно собрать. Первым делом я отметила, насколько более по-взрослому здесь выглядят девочки, и особенно то, как они одеваются. Я сразу же стала чрезвычайно стесняться своей одежды, которая

была либо слишком унылой, либо слишком тесной, либо все вместе. Мама одевала меня, как в прежние времена наряжали маленьких американок из приличных семей, из обуви у меня были грубые туфли. Я же хотела носить обтягивающие черные штаны и широкую свободную рубашку, или свитер задом наперед, как битники, или что-то брутальное и дерзкое. Или, на крайний случай, нечто яркое, цветастое и с бахромой. Но когда мы с мамой шли по магазинам, она сразу же направлялась к белым блузкам с круглым воротничком и темно-синим юбкам. Когда речь заходила о предпочтениях в одежде, мы с ней всегда оказывались на разных полюсах.

Когда я повзрослела, жизнь наладилась. Я начала сама шить одежду. Я дурачилась с вещами, некоторые из которых и так были подержанные: отрывала рукава от одной кофточ-ки и приделывала к другой. Увидев один такой гибрид, моя, наверное, первая настоящая подруга Мелани прокомментиро-вала: «Отстой».

Но дольше всего я не расставалась с платьем, которое до-сталось мне от дочери одной из маминых подруг. Я даже сейчас отлично его представляю: розовое хлопковое платье с широкой юбкой, которая шикарно развевалась. Позже па-па взял меня к Тюдору Сквэру, одному из своих клиентов в швейной промышленности. И я помню, как получила два ярких очень классных твидовых прикида в клеточку, кото-рые носила довольно долго.

К своим четырнадцати я уже красила волосы. Хотела быть

платиновой блондинкой. И на экране нашего черно-белого телевизора, и в кинотеатре, где показывали фильмы в цвете, такой оттенок выглядел как-то особенно ярко и эффектно. В мое время Мэрилин Монро была самой известной платиновой блондинкой на экране: такая харизматичная, с мощнейшей аурой. Я проецировала ее образ на себя, хотя и не могу объяснить это точнее. Чем старше я становилась, тем сильнее выделялась внешне в семье и тем больше меня тянуло к людям, с которыми, как мне казалось, меня связывают некие значимые узы. В случае с Мэрилин я чувствовала уязвимость и особый тип женственности, который, по моим ощущениям, был у нас общим. Мэрилин поражала меня как человек, который сильно нуждался в любви. Это было задолго до того, как я узнала, что она выросла в приемной семье.

Моя мама красила волосы, так что у нас в ванной была перекись. В первый раз я не угадала с пропорциями и в итоге ходила ярко-рыжей. С тех пор я сменила по меньшей мере цветов десять. И с макияжем я экспериментировала. Например, прошла через этап обожания мушек: иногда я приходила в школу с лицом, напоминавшим картинку в детских журналах из серии «соедини точки». Со временем я набилась руку, но эксперименты мне по-прежнему нравились.

В четырнадцать я была мажореткой⁸: носила сапожки на шнуровке, кивер и юбку, которая мало что прикрывала, мар-

⁸ Мажоретки – девушки в военной форме, марширующие с барабанами и жезлами перед оркестром во время парада.

шировала и жонглировала жезлом. Художественная ходьба давалась мне куда лучше, чем жонглирование. Я вечно роняла жезл, и, естественно, приходилось нагибаться и подбирать его, что добавляло в программу выступления нечто незапланированное.

Я также присоединилась к женскому клубу – так было принято и дело того стоило. Эти школьные клубы и общества были весьма занятными – уверена, социологи или антропологи нашли бы там прелюбопытнейший материал. Каждая группа имела выраженную индивидуальность, а дух соперничества зашкаливал. Но и плюсов было множество. Если ты школьница в поиске идентичности, в клубе ты можешь почувствовать себя «своей». Девочки разного возраста, от выпускниц до недавно перешедших в среднюю школу, называли друг друга сестрами, и внутри сообщества царила атмосфера товарищества и дружбы. Новеньким только нужно было пережить испытания в ночь посвящения, которую устраивали «сестры».

Через некоторое время я оттуда ушла. Не помню в точности, как все случилось, но некоторые мои друзья не понравились «сестрам». Они начали говорить мне, с кем я могу общаться, а с кем – нет. Меня это оскорбило.

Для учителей я не была головной болью, но иногда меня оставляли после уроков – ничего криминального, обычные прогулы. Я просто уходила в местное кафе выпить рутбира⁹

⁹ Газированный напиток из коры дерева сассафрас.

и не возвращалась. Хуже всего в этих наказаниях было то, что приходилось сидеть в школе и писать одно и то же бессмысленное предложение снова и снова, тысячи раз. Я заметила, что одна девочка, К., вверху каждой страницы писала «ИМИ». Когда я спросила ее, зачем она это делает, она слегка удивилась моему невежеству, но доступно объяснила, что сокращение расшифровывается как «Иисус, Мария и Иосиф».

К. исключили из католической школы. Когда меня наказывали, лучше всего было сидеть рядом с ней. Крупная, задиристая, с вечной жвачкой – это была ирландка со светло-рыжими волосами и обычными для всех подростков прыщами. За драки ее вечно оставляли после уроков. Заслуженно или нет, но ее называли местной шлюхой. В маленьких городах, таких как наш, было очень легко попасть в жестокие тиски общественного мнения. Быть заклеянной позором. Тем не менее мы с К. подружились. Меня всегда интересовали такие прямолинейные личности. Завораживала исходящая от них сила. Я тоже хотела стать опасной и по-прежнему стремилась себя защитить. Но я опасной не была – пока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.